

УДК 821.161.1 (Русская литература)

РУССКАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ: ГРАНИЦЫ ПОНИМАНИЯ

© 2023 Г.Ю. Карпенко, Е.С.Шевченко

Карпенко Геннадий Юрьевич, доктор филологических наук,
профессор кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью
e-mail: karpenko.gennady@gmail.com

Шевченко Екатерина Сергеевна, доктор филологических наук,
профессор кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью
e-mail: e.shevchenko@ssau.ru

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева
Самара, Россия

Статья поступила в редакцию 01.11.2023

В статье рассматриваются особенности понимания русской классической литературы в зависимости от первичных базовых гносеологических и ценностных установок, от изначальной направленности сознания на бинарное или тринитарное постижение. Для бинарного подхода характерно описание мира по принципу онтологической дихотомии, расщепления его на две части: «свой – чужой», «доброе – злое» и т. д. Понимание русской классики, основанное на принципах бинарности (структурализм), порождает в восприятии упрощенную художественную картину мира, выраженную в оппозициях, антиномиях, противопоставлениях и закрепленную в категориях «Я и Другой». Абсолютизация такого подхода в социальной сфере оборачивается альтернативным доминированием, господством одного полюса над другим. В свете такого подхода мир не может мыслиться как более сложное, чем однолинейное, целое. Переход к жизнеспособной гносеологической парадигме и, следовательно, к новой стратегии жизни и миропостроения связывается с тринитарным подходом, выработанным в период становления великих культур, в данном случае – русской классики. Для такого подхода характерно понимание мира, отраженного в русской литературе, как иерархически выстроенного и сакрализованного целого, внутри которого снимается напряженность и противопоставленность оппозиций.

Ключевые слова: картина мира, бинарный подход, оппозиция, тринитарный подход, гармоническая целостность
DOI: 10.37313/2413-9645-2023-25-93-104-110
EDN: XIUDDX

Введение. Очевидные просчеты и даже кризисы современной цивилизации обусловлены, как признают ученые, господством в общественном и научном сознании бинарных предпосылок мышления. Формами логико-грамматического проявления бинаризма выступают конструкции «либо – либо», «если не это, то то», «или это, или то», то есть данные конструкции предзаданных установок становятся верховными хозяевами нашего отношения к миру и человеку [10, с. 24-42].

История вопроса. Сам по себе бинарный подход сложился в глубокой древности, в языческий период, когда человек мыслил, воспринимал и осваивал окружающее по принципу онтологической дихотомии, расщепления мира на две части: на «свой –

чужой», на «доброе – злое». А если учесть, что бинарный подход вышел из животного мира, то можно сказать, что это первичный «звериный» подход, подход инстинкта есть почти что биологическое наследие человеческого сознания. Иными словами, человек исходит из признания бинарных оппозиций как извечных природных состояний (день – ночь, мужское – женское). И этим правилом он руководствовался и руководствуется в своей повседневной и исторической жизни, создавая своих спасительных богов и опасных врагов, завоевывая, уничтожая все чужое и вражеское. Как видим, проявление бинаризма в социальной жизни потенциально агрессивно.

Сформировавшийся в языческий период и окультуренный в античности бинарный подход

стал гносеологическим архетипом и современной цивилизации, которая до сих пор делит мир на своих и чужих, на друзей и врагов, на демократическое и недемократическое. В социальной сфере бинарные отношения завершаются альтернативным доминированием, господством одного полюса над другим. Для такой цивилизации «третьего не дано», многополярность недопустима, потому что мир не может мыслиться как более сложное, чем однолинейное целое [16, с. 140-172].

Методы исследования. В ходе исследования применялись традиционные для литературоведения описательный и сравнительно-сопоставительный методы; также был использован интегрированный подход, основанный на применении методов когнитивизма. Переход к жизнеспособной парадигме и, следовательно, к новой стратегии жизни и миропостроения многими сегодня признается самой фундаментальной задачей гуманитарной науки. Когнитивным основанием такого перехода является тринитарный подход, исходящий из признания господства сакрального примиряющего целого, внутри которого снимается напряженность и противопоставленность сторон оппозиции.

Результаты исследования. Становление русской классической литературы и выработка самобытного национального самосознания были сопряжены торжеству тринитарного видения, преодолевавшего языческую альтернативность мышления, объединявшего мир в онтологической перспективе в единое гармоническое целое. На такую особенность русской классической литературы в 1970-1990-е годы обратил внимание В.М. Маркович. Разрабатывая концепцию русского реализма, ученый отмечал, что уже на раннем этапе его развития складываются две формы: реализм «эмпирический» и собственно классический [9, с. 113-134]. Для «эмпирического» реализма характерно описание героя («маленького человека») в его бинарной связи «человек и среда» (В. Даль, Д. Григорович, Е. Гребенка, И. Панаев и др.). Такое изображение «маленького человека» неизбежно порождало отклик читательского сочувствия и критику социального порядка, и подобное стереотипное восприятие поддерживалось соответствующими

методологическими установками.

Другой – классический – реализм, по словам В.М. Марковича, преследует цель выйти за рамки эмпирического: «Осваивая фактическую реальность общественной и частной жизни людей, постигая в полной мере ее детерминированность, классический русский реализм едва ли не с такой же силой устремляется за пределы этой реальности и ее законов – к «последним» сущностям общества, истории, человека, вселенной <...>. Общественная жизнь, история, метания человеческой души получали тогда трансцендентный смысл, начинали соотноситься с такими категориями, как вечность, высшая справедливость, провиденциальная миссия России, конец света, Страшный суд, царство Божие на земле» [9, с. 131].

В современной практике осмысления ценностного мира русской классической литературы до сих пор не преодолен бинарный подход, порождающий «неоязыческие» представления о мироустройстве русской классики и – как следствие – национального самосознания.

Чтобы было понятно, о чем идет речь, как бинарный подход обнаруживает себя в гуманитарных исследованиях, можно привести одно характерное высказывание об особенностях художественного мира И.А. Бунина: «В бунинских описаниях поэтической картины мира <...> наблюдаются бинарные оппозиции – ряд противопоставленных друг другу двоичных признаков. Двоичность поэтического восприятия мира, одновременное бинарное представление противоположных понятий, одно из которых утверждает какое-либо качество, а другое – отрицает, выражена в бунинском поэтическом дискурсе» [3, с. 14].

Таким образом, с позиций применяемого бинарного подхода, на первый взгляд, все верно. Тем более создается впечатление верности научного суждения, так как оно подкрепляется примерами из художественных произведений И.А. Бунина. Однако приведенное высказывание – это малая верность, упрощение представлений о картине мира писателя. В то время как И.А. Бунин утверждал в своем творчестве как высшую ценность совсем другое:

*Нет, не пейзаж влечет меня.
Не краски жадный взор подметит,*

*А то, что в этих красках светит:
Любовь и радость бытия. [4, с. 142]*

В последнее время появляется много публикаций, которые (как установочные рекомендации) «вредят» мировоззрению: рассчитаны либо на сенсацию, либо на «новую научность». Так, например, Н.А. Еськова при осмыслении романа Л.Н. Толстого «Война и мир» выступила с «сенсационной» инициативой «правильно» понимать и писать в названии романа слово «мир» через «i» десятиричное, и с точкой [6, с. 204-205].

Такая рекомендация чтения – сведение духовного мира к миру общества (к «скопищу людей») – ведет к упрощенному, «обытовленному» пониманию романного содержания (которое легко можно перевести на многочисленные «сценарные языки» ток-шоу): все-таки в названии произведения в окончательной редакции канонизированы не однопорядковые слова «война» и «мир» (в беглом восприятии понимаемые как «война и общество»), а разнопорядковые, разнокачественные – «война» и «мир» (то есть «война», с одной стороны, и мир» как «духовное братство-единство» – с другой), символически не только сопрягающие все части вселенной, но и их иерархически выстраивающие (для такого духовного воплощения смыслов в телевизионной постановке нужна высокая ре-жиссура).

Рассматриваемый пример симптоматичен: он отражает гносеологические и ценностные «промахи» исследовательского мышления, которое не сородственно содержанию романа и сущностным формам национального самосознания. Нельзя же признать соответствующим «толстовскому духу» высказывание, что война и мир – вечные человеческие ценности [1, с. 10-18]. Таким способом выразить свою мысль, сказать, что война является даже не вечным проклятием человечества, а «вечной ценностью», тем самым утвердить ее онтологический статус, – следовательно, обнаружить «мифологическое», неязыческое сознание, для которого действительно «добро» и «зло», «война» и «мир» являются «двумя базовыми ценностями», и «ожидание войны» для него – это его «постоянное состояние» [1, с.10-18].

Вполне очевидно, что такое суждение противоречит словам самого Л.Н. Толстого о

войне, его духовно-нравственным убеждениям: «И началась война, то есть совершилось противное человеческому разуму и всей человеческой природе событие. Миллионы людей совершали друг против друга такое бесчисленное количество злодеяний, обманов, измен, воровства, подделок и выпуска фальшивых ассигнаций, грабежей, поджогов и убийств, которого в целые века не соберет летопись всех судов мира и на которые, в этот период времени, люди, совершавшие их, не смотрели как на преступления» [14, с. 7].

Национальная картина мира ценностно иерархически центрирована: выстраивается по тринитарному сценарию. А это значит, что в мире есть живое присутствие всепримиряющего начала, действует его «окормляющая» забота в сокровенной жизни людей, в делах всех: и человека, и народа, и государства, и мира, и всего человечества. Если мы признаем данное «обстоятельство» – теoантропность и иерархическую центрированность, то есть сакральность бытия, – то тогда «война» и «мир» не могут быть вечными человеческими ценностями, а только «мир» вечен (онтологичен): он есть дар человеку («миру»). А «война» и «мир» как общество – это только феноменологическая ступень бытия, жизненные проявления человека, к онтологическому (вечному) имеющие отношение только в той степени, в какой в них обнаруживается «возврат-сопричастность» (возвращение) к первичным дарованным (божьим) ценностям.

На методологическом уровне открываются только две возможности восприятия мира: либо описать-сконструировать мифологическую, неязыческую модель мира и включить в нее человека (что не соответствует национальной картине), либо рассмотреть мир как духовно-иерархически организованное пространство, где всё подчинено высшему смыслу, живет сопричастностью «целому».

Исследовательские попытки соединить мифологическое и религиозное (по гегелевскому принципу «тезис – антитезис – синтез») интересны и поучительны: они оборачиваются «варваризацией» религиозного и сведением духовной онтологии мира к архаике. Обращение

за поддержкой собственных взглядов к авторитету М.М. Бахтина, О.М. Фрейденберг, Ж.-П. Сартра и др. мало что проясняет: ученые и философы говорят о категориях как о некоей абстракции, а не о их жизненно-семантическом наполнении, которое возможно только в конкретной культуре, в духовной практике нации как единого целого.

С другой стороны, усилившийся и активизировавшийся в постсоветское время научный интерес к прикровенным духовным ценностям отечественной культуры (интерес, проявивший себя в многочисленных исследованиях и закрепившийся в фунда-ментальных направлениях, получивший, казалось бы, легитимный статус научного подхода, основанного на принципе тринитарности) до сих пор вызывает неприятие как у определенной части литературоведов, так и у представителей других областей гуманитарного знания. Одно из последних ярких и аргументированных высказываний по этому поводу принадлежит академику Российской академии художеств С.В. Заграевскому, по разным основаниям отрицающему возможность адекватного научного изучения «опредмеченных» сущностей, порожденных верой: «“Надстройка” в виде акта веры в то, что едва ли не любой артефакт является частью некоего “сакрального пространства” (то есть имеет некий “высший потусторонний смысл”), является недоказанной, следовательно, неубедительной, следовательно, излишней, следовательно, вредной, так как перегружает научный текст и противоречит “бритве Оккама” – “не следует множить сущности без необходимости”. Научный текст должен быть предельно универсальным и не вызывать идеологического неприятия у тех читателей, которые не исповедуют веру автора этого текста. Этого требует элементарная научная этика» [7, с. 49]. По словам ученого, «реалистично настроенный человек ждет от науки прежде всего ответов на вопросы “что, кто, где, когда, почему”» [7, с. 63].

С.В. Заграевский пытается ввести репрессивные ограничения гуманитарному мышлению в виде «элементарной научной этики», «предельной универсальности» и таким способом предлагает предписать научной мысли оставаться при постижении духовных явлений отечественной культуры в отведенных «кем-то» границах; и если уникальный объект, рожденный, например, в лоне православной

традиции, изучается, то его надлежит рассматривать с позиции позитивистской «внезаходимости», чтобы (не дай Бог) «не вызвать идеологического неприятия у тех читателей, которые не исповедуют веру автора»: «минималистская» психология заискивания перед современным читателем, перед «реалистично настроенным человеком», которому по разным причинам не открываются воплощенные в художественном творчестве ценности веры, – «элементарная научная этика», ведущая к забвению духовных традиций, к разрыву с ними, к утрате национально-культурной идентичности.

Как доказывают методологические споры, современная отечественная (и не только отечественная) гуманитарная наука переживает мучительный процесс поиска ценностной идентичности. Литературоведение оказалось чутким к общему настроению гуманитарных наук – к желанию оправдать бытие как духовный феномен. В гуманитарных науках наметился интенсивный процесс постижения «мета-физических» смыслов мира, который можно условно назвать попыткой «собираания бытия» не в его механической совокупности вещей и взаимодействующих сил, а в единстве его «человеческих» смыслов. Определяющим фактором существования мира осознается не материя, а ее энергия смыслов, ее «концептность». Культура вступила в новую стадию духовной самоориентации и творческой реакции на мир.

Деструктивные аналитические процедуры, обусловленные как долгой рационалистической традицией бинаризма, идущей еще от античности, от досократиков, так и особенностями позитивистского мышления, сказавшегося в советском типе мировоззрения, сменяются «синтетическим», тринитарным, образно-понятийным познанием, позволяющим представить-«сонтологизировать» бытие не в изолированных друг от друга частях, а в целостности, как единую картину мира, как образ бытия. Именно этой проблеме современного литературоведения – смене «режима релевантности» – посвящена монография Г. Тиханова «Рождение и смерть литературной теории. Режимы релевантности в России и за ее пределами» [17, р. 1-272].

Такая тяга к «собираанию-собранныости-соборности бытия» обусловлена духовным стремлением человека осознать мир как

единство, как Творение: «Поэтика текста, творчества все настоятельнее нуждается в освещении со стороны поэтики творения» [15, с. 576]. Характерным признаком такой тяги к «поэтическому» единству мира стало изменение представлений о природе познания, видение того, что сами процессы научного мышления, направленные на изучения мира как Творения, в значительной степени метафоричны, тринитарны по своей сути [2, с. 278-383], что в основе концептуализации бытия лежит не только логико-понятийный «механизм» бинарных отношений, но и антропометрический принцип, утверждающий метафору «категорией исторического мышления» [5, с. 160]: с ее помощью человек, удаляясь от мира «мертвых вещей», укореняется в «живой жизни». Цель метафоры, как пишет Н.Д. Арутюнова, – «уловить константные свойства объектов, «их душу», которую она благодаря своей образности делает доступной чувственному восприятию» [2, с. 279]. Нобелевский лауреат И. Пригожин доказывает, что при описании физических, химических и биологических процессов неизбежно приходится использовать метафоры, «первообразные понятия», выполняющие роль «элементов самосогласованности»: «Априори они не известны, но всякий раз нам необходимо удостовериться в том, что наше описание согласуется с их существованием» [11, с. 14]. Ученый, анализируя многие просчеты физиков, остроумно замечает, что их неудачи были связаны с тем, что они в качестве «элементов самосогласованности» брали непоэтичные примеры – «груды кирпича вместо храма» [12, с. 52].

Польский исследователь В. Вжозек, учитывая современные прорывы в сферу познания, доказывает, что изначально-импульсный союз между мыслью и действительностью, которому человек обязан в освоении мира, держится на аналогии, на «субъективации» мира, на приписывании ему мысленной предпосылки, на внедрении в него «примыслов». На уровне философских обобщений В. Вжозек приходит к заключению: «Отношение между мыслью и внемысленной действительностью метафорическое – иначе говоря, символическое <...> Метафоризация протекает как работа «механизма» эквивалентности, аналогии, или, по словам Фрэзера, по «правилу переносной магии»

[5, с. 154-155]. Такая зависимость человека от «поэтической логики» превращает его в «виновника произведения искусства», каким действительно становится мир даже в его физико-математических очертаниях. Конечно, признание «поэтичности» мира может восприниматься как ослабление методологических требований, предъявляемых для достижения точности и адекватности процесса познания «объективных реалий». Но как бы ни оценивался данный процесс, самое главное, чтобы мир, функционирующий «через нас», оставался «соизмеримым с предпосылками гуманитарной интерпретации» и соответствовал как личной, так и всеобщей валентности живущих на Земле существ [5, с. 156-160]. Речь, как видим, идет об очень важной методологической тенденции, намечавшейся в литературоведении вначале стихийно, а впоследствии получившей обоснование и описание в когнитивных науках и закрепившейся в качестве существенного принципа современного научного мышления. Вяч. Вс. Иванов, опираясь на взгляды В.И. Вернадского, определяет ее как процесс «самозащиты ноосферы, встроенный в нее саму», или, в более расширительном толковании, как «необратимый геологический процесс», вбирающий в себя всё необходимое для «сохранения (выживания) ноосферы», в том числе и художественное творчество, и «метафорические причуды» мышления [8, с. 32].

Выводы. Тринитарность, образность, метафоризм мышления – это проявление сознания, фиксирующего свойства самого бытия, которое умеет преподносить образы и метафоры в явлениях самой жизни, не в рациональных конструкциях, а в виде зерна, или, как точно вывел Гете, в отличие от Ньютона, в виде яблока, падающего вверх. К.А. Свасьян, выявляя особенности мышления Гете, пишет: «Его гравитация была не механической, а органической, и первофеноменом ее было не падающее с дерева яблоко, а само растущее дерево; тип побеждал закон тяжести и притяжения; опираясь на земное, он падал не вниз, в вверх («der Apfel nach oben» – его изумительное выражение)» [13, с. 186]. Тринитарный подход, реализованный в научно-метафорических переживаниях, «схватывает» общий ритм жизни, и такая картина мира

рождается только через сопряжение и примирение-отрицание всех начал и противоположностей в едином пространстве целого. Поэтическая направленность «тринитарного» мышления побуждает внимательнее отнестись к тому основному и «вечному» содержательному пласту национальной жизни, который нашел свое выражение в русской классической литературе.

1. Айриян, Р., Урушадзе, А. Война и мир: вечные ценности человечества // Новое прошлое. – 2016. – № 3. – С. 10-18.
2. Арутюнова, Н. Язык и мир человека: Субъект – предикат – связка. Сравнение – метафора – метонимия. Истина – правда – судьба. Норма. Аномалия. Стихия – воля. – М., 1999. – 895 с.
3. Басилая, Н., Путкарадзе, Т. «Отражение небесной сферы в поэтической картине И. А. Бунина» // И. А. Бунин: русская и национальные литературы. – Ереван, 2020. – С. 12-22.
4. Бунин, И. Собрание сочинений: В 9-ти т.: Т. 1. – М., 1965-1967. – 595 с.
5. Вжозек, В. Интерпретация человеческих действий: Между модернизмом и постмодернизмом // Проблемы исторического познания: Материалы Международной конференции. – М., 1999. – С.152-161.
6. Еськова, Н. Что означает слово “мир” в названии романа Льва Толстого? // Новый мир. – 2006. – № 7. – С. 204-205.
7. Заграевский, С. О научной обоснованности иеротопии // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. – 2018. – № 1 (15). – С. 49-69.
8. Иванов, В. Эволюция ноосферы и художественное творчество // Ноосфера и художественное творчество. – М., 1991. С.3-38.
9. Маркович, В. М. О трансформациях «натуральной «новеллы» и двух «реализмах» в русской литературе XIX века // Русская новелла: Проблемы теории и истории. Сборник статей. – СПб. Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1993. – С. 113-134.
10. Нигматуллина, Ю. “Срединная культура”: диалог бинарного и тринитарного мышления // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – Кн. 1. – Т. 159. – 2017. – С. 26-42.
11. Пригожин, И. От существующего к возникающему: Время и сложность в физических науках. – М., 1985. – 327 с.
12. Пригожин, И., Стенгерс, И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. – М., 1986. – 431 с.
13. Свасьян, К. Иоганн Вольфганг Гете. – М., 1989. – 192 с.
14. Толстой, Л. Собрание сочинений: В 22-х т.: Т. 6. – М., 1978-1984. – 446 с.
15. Топоров, В. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. – М., 1995. – 623 с.
16. Karpenko, G. The Italian-style al Fresco Painting The Resurrection of Christ in I. S. Turgenev's Fathers and Children // Problemy istoricheskoi poetiki. – 2021. – Vol.19. – № 1. – Issue 1. – P. 140-172.
17. Tihanov, G. The Birth and the Death of Literary Theory: Regimes of Relevance in Russia and Beyond. – Stanford: Stanford University Press, 2019. – 272 p.

RUSSIAN CLASSICAL LITERATURE AND PROBLEMS OF METHODOLOGY: BOUNDARIES OF UNDERSTANDING

© 2023 G.Yu. Karpenko, E.S. Shevchenko

Gennady Yu. Karpenko, Doctor of Philology,

Professor of the Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations

E-mail: karpenko.gennady@gmail.com

Ekaterina S. Shevchenko, Doctor of Philology,

Professor of the Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations

E-mail: e.shevchenko@ssau.ru

Samara National Research University

Samara, Russia

The article examines the peculiarities of understanding Russian classical literature depending on the primary basic epistemological and value settings, on the initial orientation of consciousness towards binary or trinitarian comprehension. The binary approach is characterized by a description of the world according to the principle of ontological dichotomy, splitting it into two parts: into “friends and foes”, into “good and evil”, etc. Understanding of

Russian classics, based on the principles of binary (structuralism), gives rise to a simplified artistic picture of the world, expressed in oppositions, antinomies, oppositions and enshrined in the categories “I and Other”. The absolutization of this approach in the social sphere results in alternative domination, the dominance of one pole over the other. In the light of this approach, the world cannot be conceived as more complex than a unilinear whole. The transition to a viable epistemological paradigm and, consequently, to a new strategy of life and worldbuilding is associated with the trinitarian approach developed during the formation of great cultures, in this case, the Russian classics. This approach is characterized by an understanding of the world, reflected in Russian literature, as a hierarchically structured and sacralized whole, within which the tension and opposition of oppositions is removed.

Key words: picture of the world, binary approach, opposition, trinitarian approach, harmonic integrity

DOI: 10.37313/2413-9645-2023-25-93-104-110

EDN: XIUDDX

1. Ajriyan, R., Urushadze, A. *Vojna i mir: vechnye cennosti chelovechestva* (War and Peace: Eternal Values of Humanity) // *Novoe proshloe.* – 2016. – № 3. – С.10-18.
2. Arutyunova, N. *Yazyk i mir cheloveka: Sub'ekt – predikat – svyazka. Srovnenie – metafora – metonimiya. Istina – pravda – sud'ba. Norma. Anomaliya. Stihiya – volya* (Language and the human world: Subject – predicate – connective. Comparison – metaphor – metonymy. Truth - truth - destiny. Norm. Anomaly. The element is will.). – М., 1999. – 895 s.
3. Basilaya, N., Putkaradze, T. *Otrazhenie nebesnoj sfery v poeticheskoy kartine I. A. Bunina* (Reflection of the celestial sphere in a poetic painting by I. A. Bunin) // *I. A. Bunin: russkaya i nacional'nye literatury.* – Erevan, 2020. – С. 12-22.
4. Bunin, I. *Sobranie sochinenij* (Collected works): V 9-ti t.: T. 1. – М., 1965-1967. – 595 s.
5. *Vzhozhek V. Interpretaciya chelovecheskih dejstvij: Mezhdumodernizmom i postmodernizmom* (Interpretation of human actions: Between modernism and postmodernism) // *Problemy istoricheskogo poznaniya: Materialy Mezhdunarodnoj konferencii.* – М., 1999. – С.152-161.
6. Es'kova, N. *CHto oznachaet slovo “mir” v nazvanii romana L'va Tolstogo?* (What does the word “peace” mean in the title of Leo Tolstoy's novel?) // *Novyj mir.* – 2006. – № 7. – С. 204-205.
7. Zagraevskij, S. *O nauchnoj obosnovannosti ierotopii* (On the scientific validity of hierotopy) // *ИПАЭИМА. Problemy vizual'noj semiotiki.* – 2018. – № 1 (15). – С. 49-69.
8. Ivanov, V. *Evoljuciya noosfery i hudozhestvennoe tvorcestvo* (Evolution of the noosphere and artistic creativity) // *Noosfera i hudozhestvennoe tvorcestvo.* – М., 1991. С.3-38.
9. Markovich, V. M. *O transformacijah «natural'noj «novelly» i dvuh «realizmah» v russkoj literature XIX veka* (On the transformations of the “natural short story” and two “realisms” in Russian literature of the 19th century) // *Russkaya novella: Problemy teorii i istorii. Sbornik statej.* – Spb. Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 1993. – С. 113-134.
10. Nigmatullina, Yu. *“Sredinnaya kul'tura”: dialog binarnogo i trinitarnogo myshleniya* (“Middle culture”: dialogue between binary and trinitarian thinking) // *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki.* – Kn. 1. – Т. 159. – 2017. – С. 26-42.
11. Prigozhin, I. *Ot sushchestvuyushchego k voznikayushchemu: Vremya i slozhnost' v fizicheskikh naukah* (From Existent to Emergent: Time and Complexity in the Physical Sciences). – М., 1985. – 327 s.
12. Prigozhin, I., Stengers, I. *Poryadok iz haosa: Novyj dialog cheloveka s prirodoy* (Order out of chaos: A new dialogue between man and nature). – М., 1986. – 431 s.
13. Svas'yan, K. *Iogann Vol'fgang Gete* (Johann Wolfgang Goethe). – М., 1989. – 192 s.
14. Tolstoj, L. *Sobranie sochinenij* (Collected works): V 22-h t.: T. 6. – М., 1978-1984. – 446 s.
15. Toporov, V. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo: Izbrannoe* (Myth. Ritual. Symbol. Image: Studies in the Mythopoetic: Selected). – М., 1995. – 623 s.
16. Karpenko, G. *The Italian-style al Fresco Painting The Resurrection of Christ in I. S. Turgenev's Fathers and Children* // *Problemy istoricheskoi poetiki.* – 2021. – Vol.19. – № 1. – Issue 1. – P. 140-172.
17. Tihanov, G. *The Birth and the Death of Literary Theory: Regimes of Relevance in Russia and Beyond.* – Stanford: Stanford University Press, 2019. – 272 p.